

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XII–XVII ВЕКАХ

В. В. Гладышев

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В. С. Гладышев

Гомельский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», Беларусь

Менталитет – это интегральная характеристика людей, живущих в определенной культуре, которая позволяет описать их своеобразное видение окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него. Формирование этнического менталитета восточных славян является до настоящего времени дискуссионной проблемой. Краеугольным камнем понятия «этнический менталитет» является этничность, которая, по мнению Н. Г. Скворцова, «может быть определена как особая характеристика субъективности, состоящая в ощущении, переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей» [3, с. 59]. Поэтому представляется актуальным рассмотреть становление этничности восточных славян в XII–XVII вв.

Представление о совокупности всех восточных славян как особом едином народе («русском языке»), впервые четко выраженное на страницах «Повести временных лет» в начале XII в., проникло в сознание широких кругов населения, выйдя за рамки интеллектуальной элиты древнерусского общества. При неразвитости интеграционного процесса мы вправе были бы ожидать сохранения у восточных славян более ранних традиционных форм самосознания – прежде всего сознания принадлежности к племенному союзу, являвшемуся, одновременно, и социальным, и этническим организмом. В сознании восточных славян племенные традиции еще в начале XII в. занимали достаточно заметное место: в «Повести временных лет» приводятся не только названия многих восточнославянских племен, но и сведения о территории их расселения, некоторые данные об их обычаях, предания о родоначальниках некоторых племен. Однако в повествованиях нарративных источников о событиях первой половины XII в. население отдельных древнерусских земель крайне редко определялось по своей племенной принадлежности, а с середины XII в. старые племенные названия в текстах летописей вообще перестают встречаться. Исчезновение на восточнославянской почве традиционных племенных этнонимов может быть объяснено распространением сознания принадлежности всего восточного славянства к одному этносу – «Руси».

Как показывает анализ нарративных и документальных источников XIII в., во всех частях восточнославянской этнической территории местное население называет себя «русинами», страну, в которой они живут, «Русью» или «Русской землей», а свой язык — «русским». Представляется особенно актуальным исследовать вопрос о том, какие факторы способствовали распространению этой формы этнического самосознания в условиях растущей политической раздробленности древнерусских земель. Немалую роль сыграло здесь, по-видимому, единство исторической памяти, существование общей исторической традиции (как известно, в основе всех дошедших до нас памятников древнерусского летописания лежат киевские своды конца XI – начала XII в.) и принадлежность к православному вероисповеданию.

В истории восточных славян конец XIII в. может рассматриваться как важнейший хронологический рубеж, когда произошли изменения в исторических судьбах отдельных частей восточного славянства в рамках новых многоэтничных государств. Одна часть восточного славянства оказалась в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ), а другая часть постепенно включалась в состав Великого княжества Московского, а затем и формирующегося Российского государства. Параллельно с различиями в социально-политическом строе складывались и важные различия в характере политической культуры, социальной психологии, а затем и в круге общекультурных интересов. На рубеже XIV–XV вв. возникают объективные предпосылки для формирования нескольких восточнославянских этносов.

Ко времени войн рубежа XV–XVI вв. относится ряд свидетельств, которые говорят не только об осознании представителями общественной элиты этих различий, но косвенно и о том, что этот факт очень существенно повлиял на позицию восточнославянской шляхты и мещан ВКЛ. К этому же времени — первым десятилетиям XVI в. — относится появление в источниках сопоставлений московского и «турецкого» правления как двух сходных типов политического устройства. Хотя эти высказывания принадлежат представителям польской элиты, в них предложено верное объяснение политического патриотизма шляхты и мещанства ВКЛ. Обширный материал о проявлениях такого патриотизма собран в книге М. М. Крома [1].

Однако нет никаких оснований полагать, что уже в то время данные различия социально-политического строя осознавались как признаки принадлежности к разным этническим общностям. Представители польской элиты никак не были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать единство восточных славян (и тем самым, хотя бы косвенно, признавать справедливость притязаний московских государей на древнерусское наследство). Тем самым есть определенные основания искать в высказываниях польских писателей отражение воззрений, характерных для самой восточнославянской среды ВКЛ. Что касается восточной части — жителей «Московии», то здесь сохранению представления о единстве восточных славян содействовала и мощная историческая традиция (как письменная, так и народная, фольклорная), и политические факторы (борьба московских правителей за «собираание русских земель»).

Изучение памятников исторической традиции, создававшихся в Речи Посполитой, позволяет выделить последнюю четверть XVI в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории Речи Посполитой.

В 1578 г. завершил работу над первой редакцией своей «Хроники» Мацей Стрыйковский, польский шляхтич, в прошлом офицер в Витебске, нашедший приют при дворе слущких князей. В его труде читаем рассказ о четырех братьях: Лехе, Чехе, Русе и Москве (самом младшем). Рус земли, полученные от отца, назвал Русью, а Москва стал основателем особого государства и основал в нем столицу, которой дал свое имя [7, с. 151]. Появление под пером хрониста подобной генеалогической легенды, как представляется, достаточно ясно говорит о появлении в Речи Посполитой представления о «московитах» и «русских», как о двух разных народах. Легенда, собственно, и должна была служить историческим обоснованием такого представления. В 70-х гг. XVI в. оно явно лишь зарождалось. В иных местах своего труда М. Стрыйковский, следуя традиции, называет Ростов и Рязань «русскими» городами, говорит о подчинении Иваном III «русских» княжеств и о том, что сам Иван III был самым счастливым из «русских монархов» [7, с. 182, 276, 529].

О важных изменениях этнического самосознания восточных славян, идущих в этом направлении, говорит и появление в текстах конца XVI — первой половины XVII в. таких словосочетаний, как «Малая Россия» и «Великая Россия». Истории появления в источни-

ках термина «Малая Русь» и изменениям его значений с течением времени уделил особое внимание украинский исследователь П. П. Толочко [6]. «Малая Россия» – это обозначение территории киевской митрополии, этническая территория восточных славян в границах Речи Посполитой, а название «Великая Россия» обозначает Российское государство и его население. Важной особенностью этнических представлений восточных славян в первой половине XVII в., как верно отметил Л. В. Соловьев [4], было то, что два народа, живущие в «Малой» и «Великой» России, воспринимались как две тесно связанные между собой части некоего общего целого. Это особенно сильно и заметно проявляется в произведениях православных авторов.

Появление в российских источниках первой половины XVII в. таких терминов, как «Белая Русь», «белорусцы», «белорусская вера», для обозначения территории, занимаемой восточными славянами в Речи Посполитой, проживающего на этих территориях населения, его веры, являются важным свидетельством того, что и в России стали отдавать себе отчет в том, что восточные славяне на территории Речи Посполитой представляют особую общность, отличную от русского (великорусского) народа. Таким образом, в первой половине XVII в. постепенно укореняется представление о восточных славянах в России и Речи Посполитой как двух особых, хотя и близко родственных народах.

После Люблинской унии 1569 г. начинается формирование разной этничности восточнославянского населения, проживающего в Речи Посполитой на территории Польского королевства и ВКЛ. Самоназванием православного населения Польского королевства становится «казак», а православное население ВКЛ начинает называть себя «белорусцами». Названия «Украина» и «Белая Русь» первоначально имели только территориальное значение. Слово «Украина» впервые упомянуто в летописях под 1187 и 1189 гг. [5, стб. 1184] для обозначения окраинных территорий Переяславского, Галицкого и Волынского княжеств, а производное от него обозначение «украинские казаки» появляется только в 1746 г. в «Лексиконе» Йохана Цедлера. В этом энциклопедическом издании была помещена специальная статья, в которой говорилось, что это «те казаки, которые проживают по обе стороны Днепра и некогда относились к запорожским казакам» [2, с. 80]. М. Стрыйковский в своей «Хронике», изданной в 1582 г., впервые в научной литературе включил в перечень славянских народов и «литовских белорусцев» (*Bielorussacy Litewscy*), а следовавший за ним Фома Иевлевич уже в XVII в. прилагательное «литовские», означавшее государственную принадлежность, опустил, говоря просто о белорусцах [2, с. 81]. В это же время наименование «Белая Русь» закрепляется исключительно за восточными землями ВКЛ, о чем свидетельствует польский перевод «Описания» Гваньини 1611 г. [2, с. 58].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – М. : Археограф. центр, 1995. – 292 с.
2. Мыльников, А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века / А. С. Мыльников. – СПб. : Петербург. востоковедение, 1999. – 400 с.
3. Скворцов, Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н. Г. Скворцов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 183 с.
4. Соловьев, А. В. Великая, Малая и Белая Русь / А. В. Соловьев // Вопр. истории. – 1947. – № 6. – С. 24–38.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. императ. Акад. наук, 1912. – Т. 3. – 1684 стб.
6. Толочко, П. П. Русь – Мала Русь – руський народ у другій половині XIII–XVII ст. / П. П. Толочко // Київська старовина. – 1993. – № 3. – С. 3–14.
7. Strykowski, M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego / M. Strykowski, oprac. J. Radziszewska. – Warszawa, 1978. – 647 s.